

И вот этот момент настал: я стою прямо напротив Волдеморта. Моя мантия отяжелела от крови, моей собственной и чужой. Первый круг Упивающихся Смертью я снес одним движением руки, словно играючи. Только сминалась человеческая плоть. Вокруг лежит багровый снег, а на нем – темные силуэты убитых. Я чувствую, что мои руки по локоть в крови. Ее никогда не смыть, она глубже, гораздо глубже, чем кажется. Она въелась в кожу, впилась в кость, отравила мою собственную кровь. Она всегда будет со мной, как и чувство вины. Я делаю шаг вперед, и битва вокруг замирает. И не слышно ни звука, кроме нарастающего гула пахнувшей озоном магии. А Волдеморт стоит чистенький, даже не запачкался. Его красные глаза пылают огненной ненавистью. Он уже не произносит свою излюбленную приватную речь на парселтанге. Почему-то он всегда находил какое-то извращенное наслаждение в том, чтобы разговаривать со мной на никому другому не понятном языке, с такой странной пародией на интимность, на только нашу тайну. Ему уже не до речей, он тоже понимает, что сейчас никто не будет отступать или сбегать, что все тянулось слишком долго, что пора наконец выяснить, кто же из нас сильнейший. На меня остро накатывает чувство нереальности происходящего. Кажется странным и нелепым, что авроры и Упивающиеся так единодушны в своей неподвижности. Хоть что-то у них нашлось общего. Но они правы: теперь их действия ничего не решат. Все зависит лишь от меня и красноглазого. Тяжесть целого мира на моих плечах сейчас велика как никогда. Но знаете, мне плевать. Эта та самая чертова Последняя Битва, к которой мы шли так долго. И мне уже неважно, кто победит, а кто проиграет. Главное, что все это наконец закончится.

Я силен, я так чертовски силен, что иногда сам удивляюсь, как во мне помещается столько магии. И я собираюсь выложиться целиком, без остатка, до полной потери сил и даже до смерти. Лишь бы все это наконец закончилось. Я заплатил за свою магию слишком высокой ценой. Я заплатил юностью, заплатил счастьем, заплатил блеском глаз. Теперь у меня не осталось даже надежды. У меня осталась только моя месть, которую я так долго, так трепетно лелеял, чтобы выплеснуть водопадом разъедающей горечи на голову врага. Я имею право быть беспощадным. Они все умерли. Рон, Гермиона, Фред с Джорджем, Ремус, Тонкс, Кингсли, мистер Уизли, Невилл, Дин, Джастин, Колин... Этот список можно продолжать бесконечно. Малышку Джинни красноглазый ублюдок убил собственными руками. Просто за то, что она любила меня, что ей так чертовски не повезло начать встречаться с Мальчиком-Который-Выжил. А я ведь тоже ее любил, по-настоящему любил. Глупец, я и забыл, что Мальчику-Который-Выжил нельзя любить. Я даже не успел их всех оплакать.

И с каждым новым именем дорогих мне людей, добавлявшимся в список погибших на войне, я ломался, умирал, рвался на куски. Это было больно, так чертовски больно, что я срывал горло криком и раздира ладони в кровь. Моя магия возрастала во множество раз. Она выходила из-под контроля и сносила все на своем пути. Но она лишь разрушала. Моя магия не могла вернуть их к жизни. Она была сравнима разве что с агонией моей души. Все мои близкие умерли, потому что пожертвовали собой ради меня. Они, видите ли, считали, что моя жизнь стоит дороже. Глупо, как же глупо умереть за идею, за символ.

Да и меня самого, по сути, давно уже нет в живых. Я там, на другой стороне, с теми, кого любил больше жизни. И уже ничто не сможет нас разлучить. Хватит, довольно! Я слишком много страдал. Я перенес столько боли! Мне всего двадцать один год, а у меня в волосах белеют серебряные пряди. Мне всего двадцать один, а я чувствую себя уставшим от жизни, повидавшим все на свете стариком, жаждущим лишь покоя. И скоро – уже очень скоро, я знаю – я обрету этот покой. Скоро я снова увижу Рона, Гермиону, Джинни. Вот только выплачу этому миру один долг. Ведь только ради этого долга я собирал себя по кускам, выживал вновь и

вновь, снова бросался в бой, чтобы вцепиться в глотку и не отпускать до конца, неважно, его или моего.

Я просто хочу, чтобы закончилась война. Мы все слишком устали. Мы так много выстрадали, что стали жестоки. Вся наша проклятая идеология полетела к чертям, оставив лишь один закон: «Убей, или убьют тебя». И я жил, так долго жил по этому звериному закону, что, наверное, давно уже разучился жить иначе. Я убивал, я убил так много людей, что наверняка проклят. В убийстве нет правых и виноватых, не нам решать, кому жить, а кому умереть. И я непременно попаду в ад. Только вот заберу кое-кого с собой.

Волдеморт поднимает руки вверх – волшебные палочки для сотворения заклинаний нам с ним не нужны уже давно – и начинает медленно, нараспев произносить старинное темномагическое проклятие. Оно призвано выжигать тело и душу целиком, без остатка. Полное развоплощение. Оно настолько мощное, что за всю историю лишь единицы были способны сотворить его, и еще меньше осмелились это сделать. Он что, боится, что моя душа может перевоплотиться, как сделала его более двадцати лет назад? Глупо, у меня же нет хоркруксов. Впрочем, у него их теперь тоже нет. Я вытягиваю руку вперед и начинаю выплескивать магию. Всю, без остатка, второго удара все равно не будет. Я вкладываю в заклинание всю свою душу, израненную, выжженную, агонизирующую, но цельную. Сила, которой нет у Волдеморта – целая душа. И я вкладываю в заклинание всю свою боль, всю свою ярость, всю веру и остатки любви. Захлебнись в моей душе, красноглазый. Получай то, что сделал со мной. Попробуй побывать в моей шкуре. Тебе не понравится, обещаю.

От света снопа чистой магии, исходящей из моих рук, режет глаза. Она ярче солнца, на нее больно смотреть. Моя магия пахнет полынью. Пахнет болью и горечью. Вокруг Волдеморта клубится непроглядная тьма. От нее веет пеплом и могильным холодом. У силы Волдеморта вкус смерти. Эти силы еще не столкнулись, они только зарождаются, только готовятся напасть. Они обманчиво медлительны, словно смертельно ядовитая змея перед прыжком. Небо завлакивает черными тучами. Сама Земля под нашими ногами содрогается. Она проклинает нас, мы ей противны. Она тоже устала от этих кровавых игр смертных, она тоже хочет покоя. Тише, милая, говорю я ей. Уже скоро, уже совсем немного осталось. Я улыбаюсь. Волдеморт уже даже не поет заклинание, он его шипит.

Воздух вокруг нас сгущается, становится трудно дышать. От волны чистой магии волосы встают дыбом, развеивается отяжелевшая от крови мантия. Лица людей вокруг искажаются от напряжения и боли. Они пытаются выйти из круга, отступить подальше от эпицентра заклинаний, но сила, превосходящая их собственную во множество раз, не позволяет им даже пошевелиться. Где-то глубоко, на краюшке сознания, у меня зарождается пугающая мысль, что только что я по глупости своей запустил какой-то страшный механизм, над которым уже не властен.

В круг людей, столпившихся возле меня с Волдемортом, бросается светлая фигура. Этот человек единственный из всех не пытается отступить подальше от эпицентра магической вспышки, и у него одного хватает на это сил. Не переставая выплескивать магию, я чуть скашиваю глаза в сторону и понимаю, что человек в белом – это Альбус Дамблдор. На миг мне становится нехорошо. Это что, галлюцинация? Я же сам видел, как Снейп убил его на вершине Астрономической башни так давно, что кажется, это было в прошлой жизни. Я видел похороны. Я выплакал свою душу над могилой этого человека, как потом выплакивал ее над

могилами всех моих друзей и близких. Но сомнений быть не может, это именно Дамблдор, и выглядит он живее всех живых.

– Остановитесь, безумцы! – кричит он, вытаскивая из рукава волшебную палочку. – Вы не понимаете, что творите! Не надо, Гарри!

Он бросается нам навстречу, но движется слишком медленно, словно в замедленной съемке, и я понимаю, что он не успеет. А я... Даже если бы я и хотел, то уже не смог бы остановить заклинание. Механизм уже запущен, и нам остается лишь столкнуться с последствиями.

Поняв, что я даже не смотрю в его сторону, Дамблдор обращается к Волдеморту:

– Прекрати, Том! Не делай этого! Ты хотел получить весь мир? Но тебе не останется даже руин. Ты этого хотел, Том? Хотел умереть и забрать с собой все живое?

– Не лги мне, старик, – говорит Волдеморту. Дамблдор не понимает его, ведь он шипит на парселтанге, но сейчас он настолько сосредоточен на том, чтобы задать направление уже готовому заклинанию, что не обращает на это внимание. – Мир падет к моим ногам.

А мне смешно и грустно одновременно, потому что я понимаю, что все, сказанное Дамблдором – правда. Каким-то шестым чувством я уже знаю, что этот чертов выброс магии слишком силен, что он уничтожит все, вообще все. А мы с Волдемортом – лишь два глупца, возомнившие, что можем делить между собой мир. И неважно, что он этого хотел, а я лишь сломался под весом обстоятельств. Я смеюсь каким-то безумным, надтреснутым смехом, и во взгляде Дамблдора, обращенном ко мне, плещется боль и вина.

– Уничтожим мир? – спрашиваю я с каким-то странным весельем, удивляющим даже меня самого. – Ну и пусть катится ко всем чертям, мне не жалко. Что скажешь, Том? Отправимся в ад?

Я отпускаю свое заклинание почти одновременно с тем, как Волдеморту отпускает свое. Дамблдор вытягивает вперед волшебную палочку и что-то кричит, но я не могу разобрать слов из-за бешеного свиста проносящейся магии. Да это и неважно. Он все равно ничего не сможет сделать. Никто уже не сможет. Столкновение тьмы и света похоже на апокалипсис. Впрочем, так оно, наверное, и есть. Небо мешается с землею, отовсюду летит пыль и камни, багровый снег тает кровавыми слезами, и под нами разверзается ад. Человеческие фигуры обращаются в пепел, словно бумажные человечки под опаляющим дыханием костра. Меня отрывает от земли и несет куда-то, барабанные перепонки лопаются от взрывной волны, тело сминает, ломает, раздирает на части. Но я этого всего уже не чувствую. Я настолько слаб, что не могу даже почувствовать боли. Я выложился целиком, а мир умирает. Вечно у меня все не как у людей.

Меня тащит куда-то вверх, и последнее, что я вижу – это красные глаза с вертикальными зрачками. А тихий голос шепчет:

- Еще увидимся, Гарри Поттер.

Голос так близко, что мне кажется, что я слышу его прямо в своей голове. А потом все вокруг завлакивает непроглядная тьма.

Я падаю, бесконечно долго падаю в пылающую бездну. Она смотрит на меня своими черными, бездонными глазами. Она неслышно входит в мою душу, мягко ступая когтистыми лапами.

Когда ты смотришь в бездну, бездна смотрит на тебя.

Когда тыходишь в бездну, бездна входит в твою душу.

Бездна живая, я знаю. Она никогда не отпустит меня назад.

А потом наступает боль. Она ледяная, она обжигает, ее так много, что я не могу даже пошевелиться, закричать. Я захлебываюсь этой болью. Она выворачивает суставы, жалит каждый нерв. Она длится и длится, и мне кажется, что это не кончится никогда. Меня заживо пожирает адское пламя. К боли невозможно привыкнуть. К вечной боли – тем более. Она накатывает волнами, то отступая, то накрывая меня снова. Я живу лишь в коротких перерывах между этими валами. Если бы я только мог, то извивался бы всем телом, катался бы по земле, и кричал, кричал, кричал, лишь бы прекратить эту боль, лишь бы прекратить. Ее слишком, слишком много, и мне так больно, больно, больно больно больно хватит.....

И вдруг все исчезает. Я оказываюсь в теплой, ласковой темноте. А вокруг тихо, так тихо, что если бы не равномерное тук-тук, тук-тук, тук-тук, то я подумал бы, что оглох. Мне спокойно, так спокойно впервые после смерти Сириуса, что хочется улыбаться и смеяться детским, беззаботным смехом. А я-то думал, что давно потерял свой покой навсегда. Я в безопасности, как дома. Если бы у меня когда-либо был бы дом, разумеется. Раньше я считал своим домом Хогвартс, давно, до того, как его древние стены пропитались болью и ужасом войны. Прислушайтесь как-нибудь, и вы услышите, что стены древнего замка стонут по ночам от всех виденных ими человеческих страданий. И мне тоже становится больно, вместе с ними. А теперь моим домом стала эта теплая тишина.

Вдруг я вижу, что где-то далеко загорается светлый огонек. И меня влечет, тащит к этому свету. Мне становится страшно, ведь я не хочу уходить. Я хочу быть здесь, в этой неподвижности, вечность. Но свет все приближается, и я никак не могу остановиться.

Тук-тук,

тук-тук,

тук-тук...

И тут я понимаю, что это бьется чье-то сердце.

Темный коридор, по которому я движусь, обрывается неожиданно резко. В глаза бросается

свет. Он чересчур яркий после той спокойной обволакивающей темноты, он больно бьет по глазам. Его слишком много, от него не спрячешься, он ослепляет даже сквозь веки. Холод накатывает неожиданной волной. Воздуха нет совсем, я задыхаюсь, я чувствую, что умираю. Удар обрушивается словно из ниоткуда и оказывается неожиданно сильным. А потом уши закладывает от оглушающего, пронзительного крика. И только через несколько секунд я понимаю, что этот крик издаю я сам.

<http://tl.rulate.ru/book/36380/787312>